

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 82.01/09

А.С. Артамонова

ИНТУИЦИЯ БЕССМЕРТИЯ В РАССКАЗЕ В. НАБΟКОВА «ULTIMA THULE»

предпринята попытка соотнести философские взгляды Анри Бергсона с эстетикой Владимира Набокова. На примере рассказа «Ultima Thule» показано, как бергсоновская концепция интуитивизма преломляется в творчестве писателя. Такие категории, разработанные Бергсоном, как время, память, интеллект, не заимствуются Набоковым, но творчески преобразуются. Развивая и преобразовывая принципы учения близкого ему по духу мыслителя, В. Набоков как оригинальный творец создает свою философию жизни.

Ключевые слова: Набоков; Бергсон; Ultima Thule; философия жизни; потусторонность; Фальтер.

На сегодняшний день В. Набоков – один из самых исследуемых писателей XX в. (только за последнее десятилетие, согласно библиографическим источникам, было написано более пятисот работ). И если в 60–70-е гг. – период становления набоковедения – исследовательский интерес главным образом был сосредоточен на формальной стороне набоковского письма, расшифровке загадок и аллюзий (К. Проффер, А. Аппель, А. Филд), в 80-е сменившийся на представления о Набокове как этически ориентированном гуманисте (Э. Пайфер, Б. Бойд), то сегодня внимание литературоведов обращено прежде всего на гносеологию и метафизику писателя. Уже никто не оспаривает тот факт, что главной темой писателя является потусторонность. Как о центральной набоковской теме, о «потусторонности» впервые заговорила жена писателя Вера Набокова [1. С. 348]. Сам писатель никогда не давал определения «потусторонности», говоря о ней лишь, что это «тайна, которую он носит в душе и выдать никому не должен и не может» [1. С. 348]. Работы В. Александрова, Д. Бартона Джонсона, А. Арьева, А. Долинина, Б. Аверина, С. Давыдова значительно расширили горизонты набоковедения. Но несмотря на, казалось бы, всестороннюю изученность творчества писателя, оно до сих пор во многом остается «тайной».

Современное набоковедение фокусирует свой взгляд большей частью на философско-мировоззренческих основах творчества Набокова. И здесь важным становится включение писателя в контекст научной парадигмы, складывающейся в конце XIX – первой трети XX в. Соотнесение эстетических взглядов Набокова с философскими концепциями ведущих мыслителей, определивших развитие философской антропологии и психологии, философии культуры XX в. (С. Кьеркегор, А. Бергсон, Ф. Ницше, Л. Шестов, М. Хайдеггер), легло в основу нового подхода к изучению наследия великого писателя. И несмотря на яростное отрицание самим Набоковым любых влияний и возможных сопоставлений, труды, посвященные данной проблематике (Б. Аверин, С. Кибальник, Г. Романова, И. Смирнов), убедительно показывают, что философско-эстетические воззрения писателя развивались в одном русле с философскими и культурологическими исканиями эпохи. Закономерно, что при отсутствии прямых доказательств (ин-

тервью, цитаты) возможные сближения Набокова с философскими концепциями объясняются главным образом типологической общностью творческого сознания.

Исключением, как известно, является А. Бергсон¹. Ему, как правило, отводят ключевую роль в самоопределении писателя. Этому в первую очередь способствовало данное в 1963 г. интервью Олвину Тоффлеру, в котором и появляется имя Бергсона. Набоков включает его в список наиболее значимых для себя «писателей» – именно так определяет его автор [2. С. 154].

Проводя параллели между творчеством Набокова и философской концепцией Бергсона, исследователи обычно ссылаются на четвертую главу «Ады», где профессор Вин размышляет о текстуре времени. И такому вниманию опять же способствовал сам Набоков. В «Юбилейных заметках», отвечая некоему Джеффри Леонарду по поводу ««ткани времени» в предпоследней части “Ады”», писатель направляет его «прямоком» к Бергсону [Там же. С. 593].

Бергсоновская теория времени, безусловно, оказала влияние на Набокова, и это неоднократно подчеркивали исследователи творчества писателя. Не остались без внимания и общие для Набокова и Бергсона темы памяти и интуиции (L. Toker, Г. Романова, А. Блюмбаум, А. Шапиро). Но несмотря на то, что связь творчества Набокова и Бергсона сегодня очевидна, вопрос влияния философии французского мыслителя на метафизику В. Набокова разработан, как кажется, достаточно фрагментарно.

Мы не претендуем в рамках данной статьи на возможно полное рассмотрение этого вопроса, цель работы – найти точки соприкосновения философии Бергсона и мировоззрения Набокова, определить степень и глубину влияния Бергсона на Набокова, а благодаря этому – точнее описать метафизические взгляды писателя. Нам представляется возможным прочитать рассказ «Ultima Thule» в свете метафизики Бергсона и убедиться, что Набоков не просто заимствует те или иные принципы учения близкого ему по духу мыслителя, но, как оригинальный творец, развивая и преобразовывая их, создает свою философию жизни.

Анри Бергсон известен прежде всего как философ-интуитивист, утверждающий приоритет внерацио-

нальных способов познания над рациональными. И если до него представители Нового времени следовали принципу Канта, согласно которому достичь потустороннего мира мы не сможем никаким усилием диалектики, а интуитивной метафизики, с чьей помощью было бы возможно постижение запредельного, человечество лишено, то Бергсон предлагает новую концепцию, где опровергает кантовские методы. Жизнь, по Бергсону, имеет психологическую природу (хотя в общей концепции философа это не исключает ни значительный элемент биологизма, ни метафизическую ее составляющую). Следовательно, сущность жизни познается путем созерцания, самоуглубления в поток переживаний, который, согласно философу, освобожден от эмпирического содержания и потому выступает как чистая длительность, т.е. взаимопроникновение моментов времени. Соответственно новой трактовке жизни и времени Бергсону понадобился и новый философский метод познания, позволяющий освободиться от рассудочного взгляда на мир. И таким методом становится интуиция. Именно она призвана если и не преодолеть интеллект, то, по крайней мере, составить ему конкуренцию, а возможно, и альтернативу в постижении первооснов мира. Вместо «чистого разума» на философскую сцену выступают «чистое восприятие», «чистое воспоминание».

Анализ точек соприкосновения Бергсона и Набокова позволит не только уточнить философско-эстетические взгляды последнего, но и прояснить смысл одного из самых загадочных текстов писателя.

Рассказ «Ultima Thule» – первоначально глава неоконченного романа «Solus Rex» – всегда привлекал внимание исследователей, но в то же время выделялся своей малоизученностью. Как и в большинстве текстов писателя, речь в нем идет о последних вопросах бытия – смысле жизни, существовании Бога, бессмертии. Главный герой рассказа, художник Синеусов, потерявший жену, пытается разгадать тайну жизни и смерти. Разгадать, чтобы найти силы жить после гибели любимой женщины. И помочь ему в этом должен некий Адам Фальтер: когда-то он был репетитором героя, впоследствии стал коммерсантом, а в конечном итоге, случайно открыв «сущность всех вещей», превратился в «сумасшедшего».

О том, действительно ли Фальтер сошел с ума и все его умозаключения являются лишь игрой больного воображения или, возможно, он на самом деле «вышел в боги», читателю остается только догадываться. В предисловии к английской публикации Набоков заметил: «Быть может, закончи я книгу, читателям не пришлось бы гадать: шарлатан ли Фальтер? Подлинный ли он провидец? Или же он – медиум, посредством которого умершая жена рассказчика пытается донести смутный абрис фразы, узнанной или не узнанной ее мужем» [3. С. 103]. Хотя писатель, по своему обыкновению, оставил в рассказе ключ, приоткрывающий дверь к этой тайне. Так, по наблюдению Д. Бартона Джонсона, Фальтер в своих ответах почти дословно повторил слова жены Синеусова, даже не сказанные ею, а написанные «цветным мелком на грифельной доске», когда та была уже безнадежно больна. Какая потусторонняя вечность сообще-

ла Фальтеру о «стихах, полевых цветах и иностранных деньгах», которые «больше всего в жизни» она любила? [4. С. 667].

И если тот факт, что Фальтер, следуя за своим создателем, мог бы произнести уже ставшие хрестоматийными слова: «Я знаю больше, чем могу выразить словами, и то немного, что я могу выразить, не было бы выражено, не знай я большего» [2. С. 157], сомнений не вызывает, то тайна мироздания, которую он постиг, до сих пор не разгадана.

Хотя попытки приблизиться к ее постижению предпринимались.

Так, М. Эпштейн пытается решить метафизическую загадку «Ultima Thule», опираясь на «физическое понятие “неустойчивого вакуума” и его логические, онтологические и теологические импликации» [5. С. 28].

По мнению М. Эпштейна, главное открытие Фальтера заключается в том, что «мир состоит из множества конкретных вещей, и каждая из них может стать точкой отправления в нашем понимании целого. Но в точке прибытия, по мере охвата мира в целом, это Все превращается в Ничто. Тайна всего сущего состоит в том, что оно не существует. Мы живем в мире, которого нет, как нет в нем и нас самих» [Там же. С. 33].

Е. Ляпушкина прочитывает «Ultima Thule» в свете концепций молчания М. Хайдеггера и раннего Л. Витгенштейна. Параллели в философских построениях обоих мыслителей трактуются исследователем исходя из отношений «культурной со-бытийности» [6. С. 83]: подходя к данному вопросу с разных позиций, не учитывая опыт друг друга, Хайдеггер и Витгенштейн в конечном итоге приходят к одним и тем же к выводам. И эта перекличка, но не заимствование, по мысли Е. Ляпушкиной, характерна и для Набокова. Поиск смысловых диалогических связей между концепцией молчания, предложенной двумя философами, и текстом Набокова составляет содержание данного исследования.

Б. Аверин замечает, что рассуждения Фальтера вполне укладываются в рамки философии Л. Шестова. По словам исследователя, «то, что Шестов писал о разуме, попавшем под власть общих суждений и необходимых из них выводов и о почти фантастической возможности сбросить груз ясных, конкретных, математических истин, можно проиллюстрировать, прочтя под этим углом зрения главу “Ultima Thule”» [7. С. 67–68]. Известно, что центральный сюжет философии Шестова – тема грехопадения. И исходя из сопоставления идей философа с набоковским рассказом, Б. Аверин заключает, что откровение Фальтера «было тем самым “анамнезисом” о потерянном рае, о древе жизни (а не о древе познания), о состоянии до грехопадения, о котором писал Шестов» [Там же. С. 75].

Был ли знаком Набоков с работами тех философов, концепции которых легли в основу вышеприведенных исследований, неизвестно. Речь здесь идет не о прямых заимствованиях, но сходстве мышления, принципе типологического родства. На фоне поиска возможных параллелей между творчеством Набокова и различными концепциями, современных ему философов, кажется тем более закономерным рассмотре-

ние рассказа «Ultima Thule» в свете учения А. Бергсона, единственного мыслителя, чье влияние признавал сам писатель.

Известно, что Набокова в теории Бергсона привлекала прежде всего концепция временного существования мира и человека, реализованная в таких категориях, как память и интуиция. Эти темы пронизывают все творчество писателя. Звучат они и в «Ultima Thule». Но прежде чем показать, как они реализуются в тексте, обратимся к не менее значимой проблеме в философских построениях Бергсона – проблеме интеллекта, или разума. Тем более что свою теорию Бергсон сознательно строит как антитезу всей предшествующей рационалистической метафизике. Именно проблема интеллекта предваряет в философии Бергсона его учение об интуиции, предпосылкой которого стала уверенность философа в «неспособности понятийного мышления постичь суть вещей» [8. С. 99].

Согласно концепции философа «наша мысль в ее чисто логической форме не способна представить себе истинную природу жизни, глубокое значение эволюционного движения» [9. С. 5]. По мысли Бергсона, интеллект, имея, как правило, дело с инертной материей, при встрече непосредственно с жизнью в ее не статичной форме, но вечно изменчивой, обращается с «живым, как с инертным, прилагая к этому новому предмету те же самые формы, перенося в эту новую область те же привычки, которые с таким успехом прилагались им к старому» [7. С. 144]. К тому же интеллект не способен уловить единичное, новое, не вписывающееся в привычное. Не способен в том числе и потому, что одной из существенных функций интеллекта является связь «подобного с подобным, и в рамки его могут вполне вписаться лишь повторяющиеся факты» [Там же. С. 147]. Бергсон не отказывает интеллекту в праве на существование. Наоборот, он выступает с проектом создания синтетической формы – «позитивной метафизики». Опыт, приобретенный из непосредственного погружения в реальность, должен, по мнению Бергсона, основываться на результатах научных исследований. Набокову, соединяющему в себе поэта и ученого, эта мысль была особенно близка. Пример тому – ставшее уже хрестоматийным высказывание писателя о том, что «в произведении искусства происходит как бы слияние двух вещей: точности поэзии и восторга чистой науки» [10. Т. 2. С. 568]. Другое дело, что интеллект, разум, здравый смысл исключили из жизни тайну.

Набоков, бесспорно, разделял взгляды французского философа на проблему разума. Об этом свидетельствует не только известное эссе «Искусство литературы и здравый смысл», но и в первую очередь сами тексты писателя. Исключением не стала и «Ultima Thule».

Знаменательно, что Фальтер – человек, претендующий на исключительное знание, – математик. Но в то же время он наделен и даром творца. Так Синеусов вспоминает: «Пожалуй, только еще в самой молодости он <Фальтер> не всегда умел сдержаться и мешал казенное натаскивание гимназиста по казенному предмету с необыкновенно изящными проявлениями

математической мысли, оставлявшими в моей классной какой-то холодок поэзии, когда он, спеша, уходил» [4. С. 119]. Но несмотря на тот факт, что когда-то Фальтер занимался точными науками, истина, ему открывшаяся, лежит вне плоскости логических построений. И об этом читателю догадаться нетрудно – текст изобилует многочисленными намеками на это.

Сомневаясь в том, что Фальтер – обладатель неведомого знания, Синеусов размышляет, как «... довольно, в сущности, обыкновенный, несмотря на “пти же” бывалого ума, и даже чуть вульгарный человек вроде Фальтера действительно и окончательно узнал то, до чего ни один пророк, ни один волшебник никогда-никогда не мог додуматься (Здесь и ранее – курсив мой. – А.А.)» [Там же. С. 124].

Когда же главный герой, пытаясь вызвать своего бывшего учителя на откровенный разговор, заключает: «Итак, Фальтер, вам открылась сущность вещей. Согласен: вы мне ее не скажете; все же я делаю два важных вывода: у вещей есть сущность, и эта *сущность может открыться уму*», – тот в свою очередь с улыбкой оспаривает возможность постижения истины с помощью интеллекта: «Логические рассуждения очень удобны при небольших расстояниях, как пути мысленного сообщения, но круглота земли, увы, отражена и в логике: при идеально последовательном продвижении мысли вы вернетесь к отправной точке... с сознанием гениальной простоты, с приятнейшим чувством, что обняли истину, между тем как обняли лишь самого себя» [4. С. 128–129].

Любая попытка героя подступиться к тайне Фальтера с точки зрения мышления и логики последним немедленно пресекается: «Всякое логическое заключение есть заключение мысли в себе» [Там же. С. 132]. В другой раз Фальтер замечает: «А не вы ли обещали, что не будете мыслить логически?» [Там же. С. 134]. Или: «Но я же вам объяснял, что всякий вывод следует кривизне мышления. <...> Мало того: ваш разум воспримет всякий мой ответ исключительно с прикладной точки, ибо иначе чем в образе собственного креста вы смерть мыслить не можете, а это в свою очередь так извратит смысл моего ответа, что он тем самым станет ложью» [Там же. С. 136].

Фальтер выводит свое знание за пределы интеллектуального и, следовательно, общепринятого постижения. Рассуждения героя о мышлении и логике вполне укладываются в рамки представлений Бергсона о природе интеллекта.

Синеусов приходит к Фальтеру с набором готовых истин, пытаясь на их основе вывести новое знание. Не случайно, сам себя он сравнивает с «традиционным туристом», начинающим знакомство с городом «с осмотра старинной церкви, известной ему по снимкам», – отсюда и первый вопрос: «Существует ли Бог?» Фальтер же отрицает «целесообразность искания истины в области общепринятой теологии», так же как он не уверен в существовании «международных небес», в наличии которых, напротив, рассудок Синеусова «не может не сомневаться».

Фальтер напрямую следует за своим создателем, неприязнь которого к общим суждениям и идеям – порождениям «здравого смысла» – широко известна.

И вполне вероятно, что набоковские взгляды сложились под влиянием именно Бергсона.

Точно так же, как речи Фальтера не укладываются в общепринятую, человеческую, логику, его манера поведения отлична от установленных в обществе. Вспомним, как ведет себя Фальтер со случайными прохожими, или поедает украденные апельсины вместе с кожей, или, сидя на панели, ловит в кулак женские каблук. Он и описывается как «человек, как бы потерявший все: уважение к жизни, всякий интерес к деньгам и делам, *общепринятые или освященные традицией чувства, житейские навыки, манеры, решительно все*» [4. С. 122].

При встрече с Синеусовым Фальтер, увидев фотографию его жены, спрашивает, где же она сама. На что получает ответ: «— Вы же отлично знаете, что она умерла. — Ах да, — заметил Фальтер с нечеловеческой беспечностью и, обратившись ко мне, добавил: — Что же, царствие ей небесное, — *так, кажется, полагают в обществе говорить?*» [Там же. С. 127].

И еще. В разговоре с героем Фальтер обмолвился: «Я усилием воли приучаю себя не выходить из клетки, *держаться правил вашего мышления*, как будто ничего не случилось, то есть поступаю как бедняк, получивший миллион, а продолжающий жить в подвале, ибо он знает, что малейшей уступкой роскоши он загубит свою печень» [Там же. С. 132].

Примечательно, что до своего открытия Фальтер старался не выходить за рамки общих правил и истин, поэтому-то «ничего в нем не предвещало» этого открытия. Воспоминания Синеусова о своем бывшем репетиторе тому подтверждение: «В серой молодости содержавший спившегося отца при помощи уроков, а затем медленно, упрямо и бодро добившийся благосостояния. Его главная заслуга перед собой та, что он сознательно обходил собственные таланты, *делая ставку на дюжинное, общепринятое*, а ведь он был одарен странными, чем-то обаятельными способностями, которые другой, менее осмотрительный, постарался бы практически применить» [Там же. С. 118].

Отсюда недоумение Синеусова, когда он размышляет, почему выбор судьбы пал именно на Фальтера. И единственное объяснение, которое герой находит, заключается в том, что эта была чудовищная случайность, «никак не предсказанная обиходом его рассудка». Набокова, как известно, всегда привлекали «узоры судьбы» и главный ее атрибут — случай. Случай как проявление иррационального и выступает в текстах Набокова антитезой здравому смыслу. Действительно, разум, согласно писателю, не является той определяющей силой, которая способна мир объяснить. Более того, доверившись разуму, человек утратил способность непосредственного «детского» восприятия — теперь он живет в мире общих идей. Характерно, что Фальтер в тексте дважды обращается именно к детскому сознанию. Утверждая, что признаком истины является «отдача», «мгновенный отзыв всего существа» — «явление малознакомое, мало изученное», Фальтер приводит в пример детей. В тот момент, когда «ребенок просыпается или приходит в себя после скарлатины», он и способен получить этот «электрический разряд». Кроме того, в какой-то мо-

мент Фальтер задумался, нельзя ли передать свое знание именно детям и «воспитать новое поколение *знающих*». Детское сознание, свободное от груза прописных истин, способно проникнуть в ту тайну, которая от большинства скрыта слоем общих идей.

Причины, по которым человек, взрослея, становится заложником этих идей, очевидны. Это, как мы увидели, зависимость от «здравого смысла» и общепринятой логики, утрата веры в иррациональное и необъяснимое, невнимательность к мелочам и деталям. В этой связи вспомним слова Фальтера, сказанные им на прощание Синеусову: «Среди всякого вранья я нечаянно проговорился, — всего два-три слова, но в них промелькнул краешек истины, — да вы, по счастью, не обратили внимания» [4. С. 138].

Помимо вышеприведенных причин «поклонения» общей идее есть еще одна — нечуткость к словам, к их точному значению. Вспомним самого Набокова с его скрупулезностью в выборе слов не только для своих произведений, но и интервью. Об опасности, таящейся в пренебрежении к точному смыслу слова, говорил и Анри Бергсон, полагая, что, расширяя объем слова, мы тем самым сужаем его содержание: «Слово, имеющее четко определенное значение, утратит его, окажется лишенным всякого значения, коль скоро будет прилагаться ко всем вещам» [8. С. 116]. А это ведет к тому, что, «сводя вещи к их понятиям, включая понятия одни в другие, в конце концов приходят к идее идей, полагая, что она-то все и объясняет» [Там же. С. 115]. Такому положению вещей, по мнению Бергсона, во многом способствовала философия Нового времени, поскольку многие из ее представителей были математиками и «в силу своих умственных навыков усматривали в метафизике только более обширную математику, охватывающую собою и качество, и количество». Этим и объясняются «геометрическое единство и простота большинства философских учений, систем, изобилующих окончательно сформулированными и полностью разрешенными проблемами». Так произошло и с религией, где Бог уже давно превратился только в идею, в понятие, «которое содержало в себе все и из которого можно было все вывести». И как следствие это понятие стало неопределенным по своему содержанию, или, скорее, по мысли Бергсона, оно лишилось всякого содержания. Не потому ли Набоков, как и многие его герои, в том числе и Фальтер, так неохотно рассуждают о Боге. И не потому ли Фальтер, подслушивая чужие разговоры, любил расспрашивать «о точном смысле слов», поскольку понял всю опасность приблизительного знания.

Таким образом, и В. Набоков, и А. Бергсон говорят о том, что только с помощью понятийного мышления познать тайну мира невозможно. Соответственно, должен быть иной путь, иной метод познания. В философии Бергсона таким методом становится интуиция: «Насколько же более поучительной была бы подлинно интуитивная метафизика, следующая за изменчивыми контурами реальности! Она не охватывала бы сразу все предметы, но каждому из них давала бы объяснение, в точности соответствующее ему и только ему» [8. С. 100]. Правда, замечает Бергсон,

«философии придется тогда прилагать новое усилие для решения всякой новой проблемы. Ни одно решение не будет геометрически выводиться из другого. Ни одна важная истина не будет добыта как следствие истины уже обретенной» [8. С. 100]. Ни к этому ли призвал и Фальтер?!

Интуиция, определяемая Бергсоном как «сознание непосредственное, видение, едва отличимое от увиденного объекта, познание, представляющее собой соприкосновение и даже совпадение», способна ввести нас внутрь самой жизни, т.е. стать «интуицией жизненного» [Там же]. Представляя собой непосредственный опыт внутренних, психологических переживаний, она в свою очередь не просто связана с определяющей категорией в философии Бергсона – категорией длительности, но родственна ей: «Мыслить интуитивно означает мыслить в длительности» [Там же. С. 102]. Эту связь интуиции и времени Бергсон описывает следующим образом: «Итак, сосредоточимся на том, что в нас одновременно и наиболее отделено от внешнего и наименее проникнуто интеллектуальностью. Поищем в глубине самих себя такой пункт, где мы более всего чувствуем, что находимся внутри нашей собственной жизни. Мы погрузимся тогда в чистую длительность, в которой непрерывно действующее прошлое без конца набухает абсолютно новым настоящим. Но в то же время мы почувствуем, что наша воля напряжена до предела. Резким усилием наша личность должна сжать саму себя, чтобы мы собрали ускользающее от нас прошлое и толкнули его, плотное и неделимое, в настоящее, которое оно создает, проникая в него» [9. С. 147].

Время, таким образом, является не просто внешней характеристикой жизни, а самой ее сущностью. И поскольку время воспринимается Бергсоном не как последовательность моментов, но взаимопроникновение всех «частей» длительности, то необходим добавочный компонент, помогающий не распасться всем этим «частям» на отдельные моменты. И таким посредником является память – еще один важнейший принцип метафизики Бергсона.

Память, или, точнее, воспоминание, как известно, – центральная тема и Набокова, лейтмотивом прошедшая через все его творчество. Согласно писателю, памятью во многом определяется личное существование человека. Процесс воспоминания ведет к самопознанию, приближая тем самым человека к постижению сущности бытия. Бесспорно, что память в философско-эстетической системе писателя является тем средством, с помощью которого становится возможным восстановление личного «я» и в конечном итоге преодоление его границ.

В «Ultima Thule» тема памяти также звучит. Повествование строится как монолог героя, вспоминающего свою жену. Знаменательно, что рассказ начинается со слова «помнишь». И далее герой продолжает: «Если ты не помнишь, то я за тебя помню: память о тебе может сойти, хотя бы грамматически, за твою память и ради крашеного слова вполне могу допустить, что если после твоей смерти я и мир еще существуем, то лишь благодаря тому, что ты мир и меня вспоминаешь» [4. С. 113].

Мотив воспоминания сопровождает читателя на протяжении всего повествования. Любопытно, что Набоков обыгрывает этот сюжет и иронически – предметом иронии оказывается итальянский психиатр, «доказывавший, что все психические заболевания объяснимы подсознательной памятью о несчастьях предков пациента» [4. С. 123]. В его образе без труда угадывается фигура так не любимого Набоковым Фрейда. И не случайно персонаж, исключивший из своего учения сам вектор духовности, не смог пережить новое знание, знание иррациональное, которым с ним поделился Фальтер.

Тема памяти в рассказе так или иначе пересекается с темой смерти. Память включена в контекст смерти, вернее, она становится тем средством, с помощью которого возможно ее преодоление. По крайней мере, на это надеется Синеусов. И в этой связи интересно одно замечание героя. В ходе разговора с Фальтером Синеусов обмолвился: «Ужас, который я испытываю при мысли о своем будущем беспамятстве, равен только отвращению перед умозрительным тленом моего тела» [4. С. 136].

Набоков, как кажется, совсем не случайно ставит рядом два понятия – «беспамятство» и «тлен», тем самым уравнивая их. Тем более примечательно в этой фразе еще одно слово – «умозрительный», в контексте наших размышлений приобретающее дополнительные смысловые оттенки.

Память, как и само время, становится, таким образом, проводником в бессмертие. Но, по всей вероятности, категория времени в бергсоновском понимании интересовала Набокова еще и потому, что он умел видеть красоту этого мира и понимал ценность реальной жизни. Именно французский мыслитель нарушил традицию восприятия времени как своего рода «вместилища» происходящих в мире физических процессов, безразличное к их содержанию. Время стало самой жизнью, формой ее протекания. И, осознав время по-новому, выстроив новые отношения с ним, человек по-новому увидит и окружающую его реальность.

Так Бергсон описывает эти новые отношения: «Если мы осознаем себя такими, какими мы являемся, в плотном и эластичном настоящем, которое мы можем бесконечно растягивать назад, все больше и больше отодвигая экран, заслоняющий нас от самих себя; если мы осознаем и внешний мир таким, какой он есть, не только поверхностно, в настоящий момент, но в глубине, с ближайшим прошлым, которое давит на настоящее, запечатлевая в нем свой порыв; словом, если мы привыкнем видеть все вещи *sub specie durationis*², – то напряженное тотчас расслабится, дремлющее пробудится, мертвое возродится в нашем ожившем восприятии» [8. С. 180].

Приведем еще одно высказывание Бергсона: «*Реальность, себе довлеющая, по необходимости не может быть реальностью чуждой длительности.*...» Нужно стараться здесь видеть, чтобы видеть, а не видеть, чтобы действовать. Тогда Абсолютное открывается совсем вблизи нас и, в известной мере, внутри нас. Сущность его психологическая, а не математическая или логическая» [9. С. 215].

Через проживание времени, таким образом, дается ощущение бесконечности не умозрительно, а чувственно и достоверно, и потому убедительно. Набоков создает свою философию жизни: потусторонность как фантазия ума, как построения разума системы представлений о том, что нас ждет за пределами настоящего бытия, не интересует того, кто способен так тонко понимать красоту мира, чувственно воспринимать реальную жизнь и воспевать чудо творения. Потусторонность пронизывает нашу реальность, она создается здесь и сейчас. А потому задача человека просто не пройти мимо. И не случайно на признание Синеусова о том, что «в минуты счастья, восхищения, обнажения души» он чувствует, «что небытия за гробом нет; что рядом, в запертой комнате, из-под двери которой дует стужей, готовится, как в детстве, пирамида утех; что жизнь, родина, весна, звук ключевой воды или милого голоса, – все только путаное предисловие, а главное впереди; выходит <...> Фальтер, можно жить, можно жить», – Фальтер, «затрясаясь», как делал всякий раз при нелепом выводе собеседника, отвечает иронически, что нужно «перескочить предисловие, – и дело в шляпе!» [4. С. 137]. Перечисленные Синеусовым понятия – «жизнь, родина, весна, звук ключевой воды или милого голоса» – в системе ценностей Набокова занимают исключительно важное место. Потому-то определение их Синеусовым как «путаное предисловие» вызывает недоумение Фальтера. Вряд ли и сам писатель когда-нибудь согласился бы с таким определением.

И Бергсон, и Набоков воспринимают жизнь не как вторичную систему по отношению к вечности или потусторонности, но как саму суть мира, ее первооснову. Соответственно, и к истинному познанию можно приблизиться только изучая жизнь, воспринимая ее не опосредованно, в том числе и с помощью различных гносеологических способов, но непосредственно. Отказавшись от позитивистского взгляда на мир, Бергсон вводит время, длительность в саму основу мира, и мир становится живым – творческим, динамичным и непрестанно развивающимся. Соответственно новому пониманию мира как творческой субстанции приходит и новое понимание человека. Человек – это прежде всего творец. «Во всех областях триумф жизни – это творчество, не должны ли мы допустить, что смысл человеческой жизни состоит в творчестве», – пишет Бергсон [8. С. 42]. Думается, вся

жизнь Набокова и его искусство были реализацией этой идеи.

Потусторонность – главная тема и тайна Набокова. Постигание этой тайны возможно было для него не только посредством погружения в саму ткань жизни, но в большей степени через искусство. И, конечно, не случайно все любимые герои писателя – творцы.

Синеусов – художник. И прежде чем обратиться к Фальтеру в надежде получить от него ответ на такой мучительный для героя вопрос: «Можно ли рассчитывать на загробную жизнь?» [4. С. 134], – Синеусов ищет утешение в искусстве. Пытаясь разгадать загадку вечности, художник говорит о двух возможных вариантах ее решения: «У меня было две возможности: первая из них была моя работа, мое искусство, утешение моего искусства». Вторая – как мы знаем, довериться Фальтеру. Возможно, закончи Набоков роман, тема творчества звучала бы более отчетливо. Но включив в текст историю неведомого иностранца, заказавшего Синеусову серию иллюстраций к поэме «Ultima Thule» и не явившегося за ними, Набоков приоткрывает завесу тайны. Синеусов, прекративший работу после исчезновения заказчика, возвращается к ней вновь, чтобы преодолеть свое горе. Знаменательно, что рассказчик сравнивает процесс творения с достижением той неведомой области, где находится теперь его умершая жена, тем самым утверждая простую истину – искусство приближает к постижению бытия: «Ее <работы> призрачная беспредметная природа, отсутствие цели и вознаграждения, уводила меня в родственную область с той, в которой для меня пребываешь ты, моя призрачная цель, мое милое, мое такое земное творение, за которым никто никуда никогда не придет» [4. С. 125].

Ответы на главные вопросы «Ultima Thule» – жизни, смерти, бессмертия – по определению не могут быть прямолинейны и однозначны. Но, как кажется, прочтение рассказа в свете идей Анри Бергсона многое проясняет.

Ван Вин – творческий наследник Бергсона, герой «Ады», написанной через двадцать с лишним лет после выхода в свет рассказа «Ultima Thule», – задается похожим вопросом: «Кто сказал, что я умру?» [10. Т. 4. С. 511]. Но в его устах звучит он уже как риторический. Судя по всему, и Фальтер задолго до профессора Вина знал точный ответ на этот вопрос. Как, впрочем, и его создатель.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ А. Бергсон был невероятно популярен в России в начале XX в. Об этом свидетельствует и то, что переводить его труды в России стали раньше, чем в других странах, и, главное, было издано пятитомное собрание сочинений Бергсона (СПб., 1913–1914).

² С точки зрения длительности (лат.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Набокова В. Предисловие к сборнику: В. Набоков. Стихи (1979) // В.В. Набоков: Pro et contra: антология: [в 2 т.]. СПб., 1997. [Т. 1].
2. Набоков о Набокове и прочем: Интервью, рецензии, эссе. М., 2002.
3. Набоков В. Предисловие к английскому переводу рассказов «Ultima Thule» и «Solus Rex» // В.В. Набоков: Pro et contra: Личность и творчество Владимира Набокова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей: Антология: [в 2 т.] СПб., 1999. [Т. 2].
4. Набоков В. Собрание сочинений русского периода: в 5 т. Т. 5. СПб., 2003.
5. Эпштейн М. Двойное небытие и мужество быть. К философии неустойчивого вакуума // Вопросы философии. 2013. № 4.
6. Ляпушкина Е.И. «...о том следует молчать» («UltimaThule») Набокова и философия молчания // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2016. Вып. 3. С. 83–91.

7. Аверин Б. Дар Мнемозины: Романы Набокова в контексте русской автобиографической традиции. СПб., 2003.
8. Бергсон А. Избранное: сознание и жизнь. М.; СПб., 2016.
9. Бергсон А. Творческая эволюция. М., 2015.
10. Набоков В. Собрание сочинений американского периода: в 5 т. СПб., 2000.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 29 августа 2018 г.

INTUITION OF IMMORTALITY IN VLADIMIR NABOKOV'S "ULTIMA THULE"

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 435, 5–11.

DOI: 10.17223/15617793/435/1

Anastasia S. Artamonova, Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: art_nastya@inbox.ru

Keywords: Nabokov; Bergson; "Ultima Thule"; philosophy of life; otherworldness; Falter.

The aim of the work is to find the points of contact between Bergson's philosophy and Nabokov's worldview, to determine the extent and depth of Bergson's influence on Nabokov, and due to this to more accurately describe the metaphysical views of the writer. It seems possible to read the story "Ultima Thule" in the light of the metaphysics of Bergson, the only author whose influence the writer himself acknowledged, and to make sure that Nabokov not only borrows some of the principles of the teachings of the thinker close to him, but, as the original creator, transforming them, creates his own philosophy of life. The protagonist of the story, the artist Sineusov, who lost his wife, tries to unravel the mystery of death and immortality. And some Adam Falter should help him in this. He used to be the main character's tutor, later became a businessman, and eventually turned into a "madman", accidentally discovering "the essence of all things". An attempt to understand what Falter's discovery consists in constitutes the content of the article. It is known that in Bergson's theory, Nabokov was primarily attracted by the concept of the temporary existence of the world and man realized in such categories as memory and intuition. These themes permeate the entire work of the writer. They also appear in "Ultima Thule". Besides this, Nabokov shared the views of the French philosopher on the problem of reason. Both of them say that it is impossible to know the mystery of the world only with the help of conceptual thinking. Accordingly, there must be a different path, a different method of cognition. In Bergson's philosophy, intuition becomes this method. In the course of the study, it is shown how the main principles of Bergson's philosophy are realized in Nabokov's text. Based on the comparative and contrastive analysis, the article draws the following conclusion. Both Bergson and Nabokov perceive life not as a secondary system in relation to eternity, or otherworldliness, but as the very essence of the world, its primary principle. Accordingly, true knowledge can be approached only by studying life, perceiving it not indirectly, like using various gnosiological methods, but directly. Rejecting the positivist view of the world, Bergson introduces time, duration into the very foundation of the world, and the world becomes alive – creative, dynamic and continuously developing. In accordance with the new understanding of the world as a creative substance, a new understanding of man also comes. Man is first of all a creator. And for Nabokov, whose main character is always a creator, the comprehension of the mystery of the otherworldness is possible not only by immersion in the very fabric of life, but more through art. The answers to the main questions of "Ultima Thule" – life, death, immortality – by definition cannot be straightforward and unambiguous. But, as it seems, reading the story in the light of Henri Bergson's ideas clears up a lot.

REFERENCES

1. Nabokova, V. (1997) Predislovie k sborniku: V. Nabokov. Stikhi (1979) [Preface to the collection: V. Nabokov. Poems (1979)]. In: Averin, B., Malikova, M. & Dolinin, A. *V.V. Nabokov: Pro et contra: antologiya: [v 2 t.]* [V.V. Nabokov: Pro et contra: anthology: [in 2 vols]]. Vol. 1. St. Petersburg: Russkiy Khristianskiy gumanitarnyy institut.
2. Mel'nikov, N.G. (ed.) (2002) *Nabokov o Nabokove i prochem: Interv'yū, retsenzii, esse* [Nabokov about Nabokov and other: Interviews, reviews, essays]. Moscow: Izdatel'stvo Nezavisimaya Gazeta.
3. Nabokov, V. (1999) Predislovie k angliyskomu perevodu rasskazov "Ultima Thule" i "Solus Rex" [Preface to the English translation of the stories "Ultima Thule" and "Solus Rex"]. In: Averin, B., Malikova, M. & Dolinin, A. *V.V. Nabokov: Pro et contra: antologiya: [v 2 t.]* [V.V. Nabokov: Pro et contra: anthology: [in 2 vols]]. Vol. 2. St. Petersburg: Russkiy Khristianskiy gumanitarnyy institut.
4. Nabokov, V. (2003) *Sobranie sochineniy russkogo perioda: v 5 t.* [Collected Works of the Russian Period: in 5 vols]. Vol. 5. St. Petersburg: Simpozium.
5. Epshteyn, M. (2013) Double Nothingness and the Courage to be. To the Philosophy of Unstable Vacuum. *Voprosy filosofii*. 4. pp. 28–43. (In Russian).
6. Lyapushkina, E.I. (2016) "...there of one must be silent" (Nabokov's "Ultima Thule" and the Philosophy of Silence). *Vestnik SpbGU. Yazyk i literatura – Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 3. pp. 83–91. (In Russian).
7. Averin, B. (2003) *Dar Mnemoziny: Romany Nabokova v kontekste russkoy avtobiograficheskoy traditsii* [The gift of Mnemosyne: Nabokov's novels in the context of the Russian autobiographical tradition]. St. Petersburg: Amfora.
8. Bergson, A. (2016) *Izbrannoe: soznanie i zhizn'* [Selected works: Consciousness and Life]. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ.
9. Bergson, A. (2015) *Tvorcheskaya evolyutsiya* [Creative evolution]. Moscow: Akademicheskiy proekt.
10. Nabokov, V. (2000) *Sobranie sochineniy amerikanskogo perioda: v 5 t.* [Collected works of the American period: in 5 vols]. St. Petersburg: Simpozium.

Received: 29 August 2018